

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА ЮГЕ РОССИИ

УДК 316.4

*Барков Ф. А.,
Сериков А. В.*

ТЕНДЕНЦИИ ИНТЕГРАЦИИ И ДЕЗИНТЕГРАЦИИ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ ЮГА РОССИИ И ПРОБЛЕМЫ ДУХОВНО- НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ

В статье анализируются эмпирические данные комплексного исследования, проведенного в конце 2013 г. в восьми регионах Юга России в среде социально активной молодежи. Такая конфигурация выборки позволяет в достаточно рельефном виде рассмотреть факторы, способствующие объединению и разъединению молодежи как социальной группы, ее интеграции в социетальную систему общества. В статье рассматриваются институты и символы консолидирующие и разъединяющие современную социально активную молодежь, анализируются различия оценок респондентов из регионов с различными типами политической культуры и этно-социальной структуры.

*Barkov Feodor A.,
Serikov Anton V.*

TRENDS OF INTEGRATION AND DISINTEGRATION AMONG THE YOUTH OF SOUTH RUSSIA AND THE PROBLEM OF SPIRITUAL AND MORAL EDUCATION OF YOUTH

This paper analyzes the empirical data a complex study conducted in among socially active young people late 2013 in eight regions of southern Russia. The sample configuration allows distinctly to consider factors contributing to the integration and disintegration of youth as a social group and the process of youth integration into the societal system of society. The article deals with the institutions and symbols which consolidate or segregate modern socially active youth. The differences of estimates of respondents from regions with different types of political culture and ethno-social structure are analyzed.

Ключевые слова: интеграция, дезинтеграция, молодежь, ценности, патриотизм, экстремизм.

Барков Федор Александрович

кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры социологии, политологии и права ИППК ЮФУ, заведующий сектором методологии эмпирических социологических и маркетинговых исследований ЮРФИС РАН (г. Ростов-на-Дону)

e-mail: barkovfedor@gmail.com

Сериков Антон Владимирович

кандидат социологических наук, доцент, заведующий отделением «Регионоведение» ИППК ЮФУ, заведующий сектором социологии конфликта ЮРФИС РАН (г. Ростов-на-Дону)

e-mail: aserikov@inbox.ru

© Барков Ф. А., 2014

© Сериков А. В., 2014

Key words: integration, disintegration, youth, social values, patriotism, extremism.

Barkov Feodor A.

Candidate of Sociological Sciences, Senior Lecture of Social, Political and Law Sciences Department of Institute of Professional Development in the Area of Social Sciences, Southern Federal University, Head of Sector of Methodology of Empirical Sociological and Marketing Researches of South Russian Branch of Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences (Rostov-on-Don)

e-mail: barkovfedor@gmail.com

Serikov Anton V.

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Managing of Branch of Regionalistik of Institute of Professional Development in the Area of Social Sciences, Southern Federal University, Head of Sector of Sociology of Conflict of South Russian Branch, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences (Rostov-on-Don)

e-mail: aserikov@inbox.ru

© Barkov F. A.

© Serikov A. V., 2014

В рамках проекта «Мир – Кавказу» в конце 2013 г. было проведено комплексное социологическое исследование, основное назначение которого – лучше понять те тенденции, которые имеют место сегодня в молодежной среде Юга России с точки зрения культурной интеграции и дезинтеграции, нравственного и патриотического воспитания, распространения экстремизма. В рамках исследования проведен анкетный опрос молодежи в возрасте от 16 до 30 лет, представляющей Ростовскую область, Краснодарский край, Ставропольский край, Республику Адыгея, Республику Дагестан, Кабардино-Балкарскую Республику, Республику Северная Осетия–Алания, Чеченскую Республику. В опросе участвовала наиболее активная в социальном отношении молодежь – студенты, члены дискуссионных клубов, участники землячеств, студенческих объединений и т. п. Всего было опрошено 2000 человек, а выборка строилась таким образом, чтобы обеспечить репрезентативность

общих данных, а также возможность сопоставления по половозрастным кластерам и отдельным регионам.

Кроме анкетного опроса в регионах были проведены фокус-группы с представителями местной студенческой молодежи, а также экспертные интервью с известными специалистами по межнациональным отношениям, культурам народов Кавказа, молодежной политике, противодействию экстремизму и т. д. Материалы качественных исследований в значительной степени позволили дополнить результаты опроса, поскольку они дали возможность зафиксировать живой язык молодежи, ход ее мыслей, выяснить ее видение современной этнокультурной и молодежной политики в России. Далее мы предлагаем вашему вниманию краткий обзор основных тенденций, выявленных в результате исследования по двум ключевым направлениям: а) тенденции культурной интеграции и дезинтеграции в молодежной среде и б) проблемы патриотического и духовно-нравственного воспитания молодежи;

Тенденции интеграции и дезинтеграции в молодежной среде Юга России

Большинство опрошенных экспертов при оценке основных противоречий в сфере межнациональных и межкультурных отношений в молодежной среде по-прежнему указывают на отсутствие «четкой национальной политики в России». При этом популярность подобной оценки сохраняется на фоне принятия государством ряда основополагающих документов – «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 г.» [1], федеральной целевой программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 гг.)» [2], поправок в федеральное законодательство, связанных с закреплением за региональными и местными властями прямой ответственности за возникновение межнациональных конфликтов на подведомственной территории.

Таким образом, опрошенные эксперты пытаются указать на сложный характер и самой этнокультурной сферы и процессов, связанных с этнокультурной и национальной политикой, закрепившиеся в этой области негативные тенденции. В наше время этнокультурная политика очень тесно переплетена с целым рядом системных вопросов – миграционной, информационной, социально-экономической политикой и др. Культурная дифференциация – это процесс, который кажется очевидным многим экспертам, но вместе с тем, его довольно трудно отслеживать и демонстрировать «с цифрами и графиками». Настоящее его значение мы начинаем осознавать только тогда, когда понимаем, что среди молодежи образовалось несколько непонимающих друг друга, или даже враждующих «партий», исповедующих противоречащие друг другу цели, ценности, мыслящих в разных идеологических плоскостях. Именно поэтому сегодня актуальным является стратегический анализ интегрирующего

влияния русского языка и культуры, ценностей традиционных культур Кавказа в молодежной среде.

Данные опроса показывают, что в настоящее время имеется три наиболее значимых фактора, оказывающих позитивное влияние на формирование чувства общности в молодежной среде. Наиболее значимым в этом отношении является принцип «уважения к традициям народов России» (61 %). На втором месте находится идея «любви к Родине – России» (44 %). На третьем месте – вера и надежда на «общее будущее страны» (39 %). Как видим, идеи, обладающие высоким интегративным потенциалом для молодежи Юга России, отличаются особой морально-нравственной высотой, объединяют в себе прошлое (традиции), настоящее (любовь к стране) и грядущее (надежду на светлое будущее страны). Такая конфигурация указывает на прочную основу и высокий потенциал объединительных процессов в молодежной среде региона, востребованными ценностями в которой сегодня являются традиционность, консервативность и духовность. Однако все эти ценности являются достаточно идеализированными, они репрезентируют не столько инструменты и способы достижения межнационального согласия и мира, сколько ценностный запрос и консенсус. Понимание роли этих ценностей – это сегодня фундаментальный фактор, однако не подсказывает напрямую средства разрешения накопившихся проблем.

Рассмотрим остальные, наиболее востребованные позиции. На четвертом месте среди идей, формирующих чувство общности, находится «уважение к государству» (31 %), на пятом – «уважение к закону» (31 %), на шестом – «чувство согражданства» (27 %), на седьмом – «общая история страны» (21 %). Как показывают распределения ответов, сегодня не в полной мере является востребованным объединяющий потенциал русской культуры, а также казачьих традиций (11 % и 3 %, соответственно).

Связано это не только с большей ценностной привлекательностью остальных позиций, но и с тем, что, по мнению большинства кавказской молодежи, русская культура сегодня связана скорее с прошлыми культурными достижениями (классическая литература, изобразительное искусство, архитектура и т. п.), нежели с привлекательными сторонами морального облика и образа жизни современной русской молодежи. Утрата культурной преемственности русской молодежью, размывание в ее сознании собственных национальных традиций и все большая ориентация на потребительские ценности западного мира, способствуют потере ею привлекательного образа.

Кроме того, данный аспект имеет самое непосредственное прикладное преломление в свете интегрирующих традиций. Молодежь Северного Кавказа, воспитанная в рамках традиционной культуры для установления доверительных и взаимоуважительных отношений нуждается в сильном позиционировании, знании и уважении русских традиций именно со стороны русской молодежи. Модель межнационального общения северокавказской молодежи

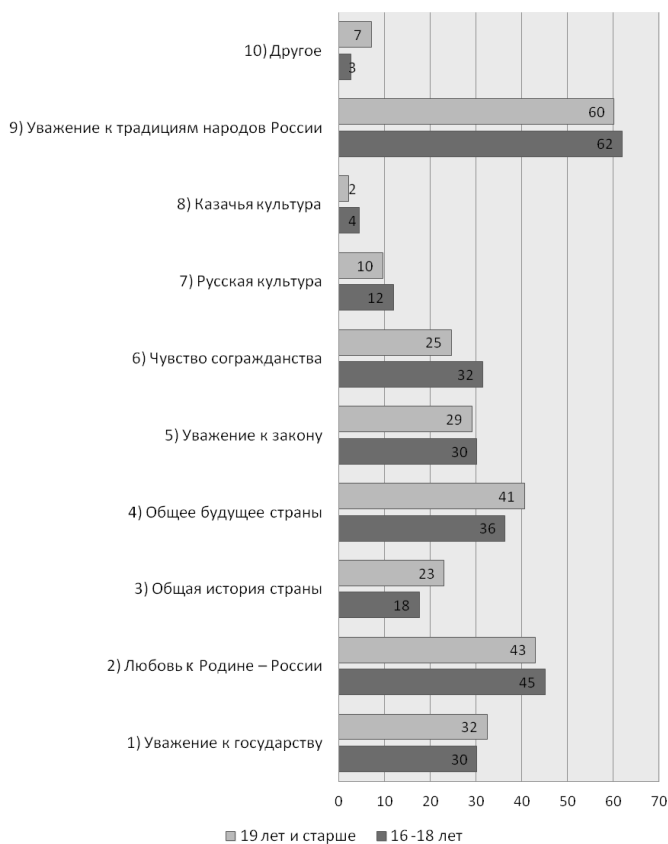
видится как модель межкультурного диалога, в то время как модернизированные культурные образцы городской молодежи воспринимаются не как партнеры для диалога, а как контрпартнеры, компрометирующие образцы «культурной пустоты». Эта тенденция проглядывается довольно отчетливо в материалах фокус-групп, когда русской культуре приписываются скорее «связующая роль», а не «объединяющая».

На рис. 1 приведены данные о наиболее востребованных объединяющих идеях в гендерном преломлении. Как видно, женщины проявляют большую эмоциональность в своих оценках, в целом у них присутствует более сильное позиционирование тех лидирующих позиций, о которых было сказано. Они в большей мере настроены сочувственно и переживающе по отношению к заданным вопросам. Мужчины же, наоборот, демонстрируют большую умеренность в своих оценках (об этом можно судить, поскольку данный вопрос предполагал любое количество ответов).

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Что на Ваш взгляд должно лежать в основе чувства общности и единства молодежи?» (по гендерным группам, в % к числу опрошенных)

Отличной от гендерной градации выглядит ситуация с распределениями по возрастным подгруппам (рис. 2). В данном случае это две подгруппы, выделенные нами исходя их структуры молодежной аудитории, которая участвовала в опросе – 1) 16–18 лет и 2) 19 лет и старше. Здесь мы видим фактическое единомыслие различных возрастных групп в отношении главных объединяющих ценностей.

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Что на Ваш взгляд должно лежать в основе чувства общности и единства молодежи?» (по возрастным группам, в % к числу опрошенных)

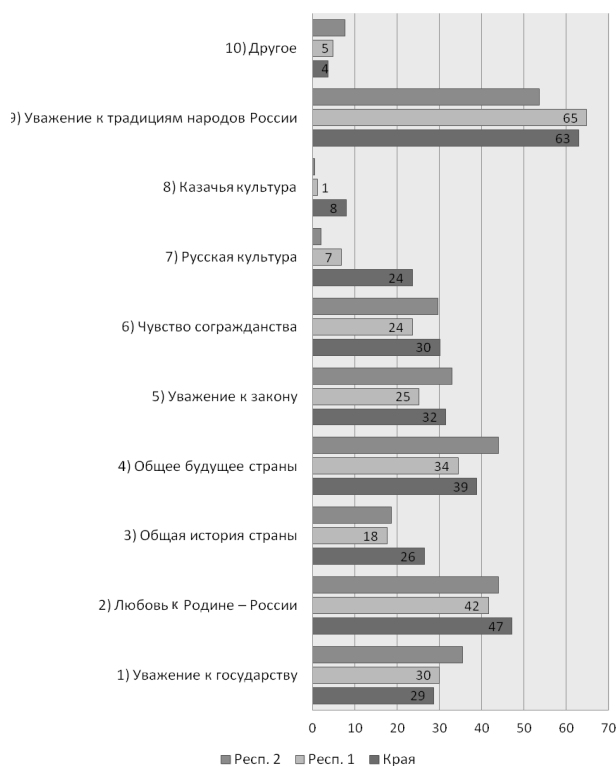
При этом молодежь постарше оказывается чуть более ориентирована на образ светлого будущего, а молодые люди помладше видят большую ценность в традициях. Однако наиболее важным является, пожалуй, распределение, представленное на рис. 3. Это распределение по типам регионов.

Всего в аналитических целях было выделено три типа регионов, критериями чему послужила, во-первых, относительная численность русского населения в их составе, а во-вторых известные тенденции в сфере модернизации культуры и образа жизни. В соответствии с этим регионы были сгруппированы следующим образом:

1 тип – Ростовская область, Краснодарский край, Ставропольский край (обозначено на диаграммах «Края»);

2 тип – Республика Адыгея, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Северная Осетия–Алания (обозначено на диаграммах «Респ. 1»);

3 тип – Республика Дагестан, Чеченская Республика (обозначено на диаграммах «Респ. 2»).

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Что на Ваш взгляд должно лежать в основе чувства общности и единства молодежи?» (по типам регионов, в % к числу опрошенных)

Как видно из представленной диаграммы, в оценках различных групп респондентов имеются заметные колебания. Во-первых, для русскоязычных регионов характерно чуть более эмоциональное отношение к России как к своей Родине. Во-вторых, для этих регионов относительно большую роль играет история России. В-третьих, в этих регионах намного больший интегративный потенциал приписывается русской культуре – 24 %, в то время как в регионах второго типа – всего 7 %, а в регионах третьего – 2 %.

Для регионов второго типа в целом характерны усредненные по всему массиву оценки, однако обращает на себя внимание значимость именно для этой группы уважения к традициям народов России. Регионы третьей группы демонстрируют, пожалуй, наиболее противоречивые оценки. Здесь заметно ниже оказывается роль уважения к традициям народов России, однако гораздо более важным является уважение к государству, а также ориентированность на единое будущее великой страны. Из сказанного можно сделать вывод о том, что молодежная аудитория является сегодня достаточно дифференцированной в гендерном и региональном измерении, и проявляет относительно большую консолидированность как поколенческая категория.

Не менее важными по сравнению с интеграционными тенденциями являются дезинтеграционные тенденции. Вопрос о том, что сегодня разъединяет молодежь задавался с акцентом на факторы, которые будут описывать различия не между отдельными культурами, а именно внутри молодежи как особой социальной группы. То есть речь идет о стандартном наборе – начиная от имущественного расслоения и заканчивая культурными интересами. Полученные данные позволили выделить две главных разъединяющих позиции: культурные интересы (45 %) и национальные особенности (41 %). Рейтинг этих позиций в 1,5–2 раза превышает рейтинг остальных позиций. Следует отметить, что эта ситуация не уникальна для Юга России, поскольку доминирования в качестве дифференцирующего основания культурных интересов – является общей тенденция массового сознания молодежи современной России [3].

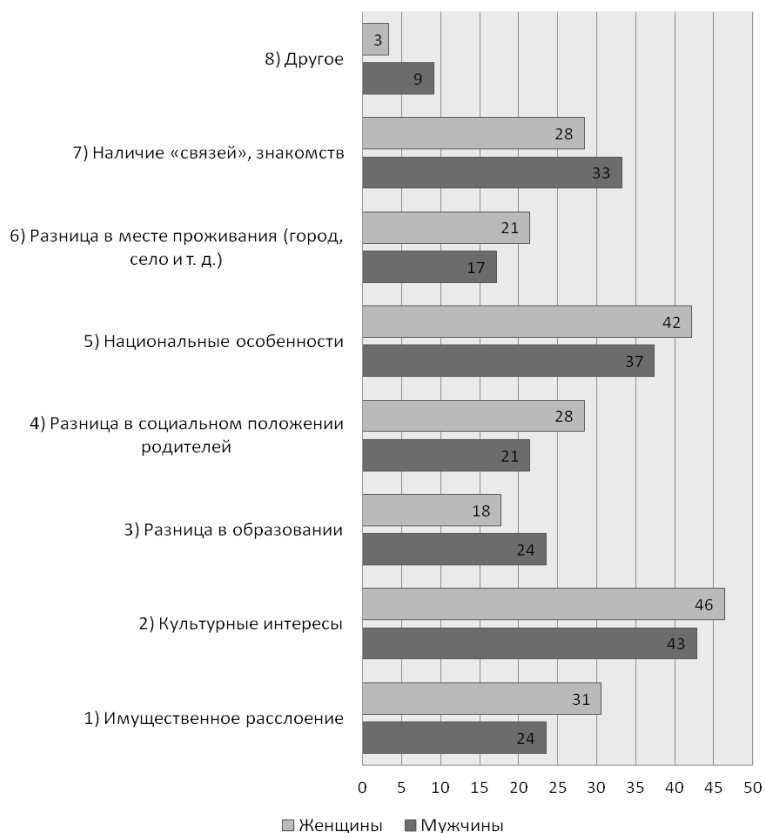
Вместе с тем, когда молодежь России в целом говорит о различиях в культурных интересах, это означает разницу в предпочтениях культурного потребления – какую музыку слушать, какую одежду носить, какие фильмы смотреть, с чем себя идентифицировать и т. п. На этом фоне достаточно тревожной выглядит ситуация, когда все большую роль начинают играть собственно этнокультурные отличия. В целом, это тенденция последних лет, которая должна стать не только предметом научного анализа ученых, но и одним из основных объектов региональной молодежной политики.

Вторая группа дифференцирующих факторов связана уже не с культурными различиями, а с социально-имущественным расслоением. Почти 30 % опрошенных указали, что для них наиболее значимым является дифференциация по наличию «нужных связей», знакомств, еще почти столько же (29 %) отметили, что больше всего молодежь разъединяет имущественное расслоение, а 26 % указали на разницу в социальном положении родителей. Так выглядит пятерка лидирующих позиций, к ним примыкают разница в месте проживания (город, село) – 21 % и разница в образовании – 19 %. Это общие распределения, на рис. 4 и далее представлена информация, по которой можно сравнить оценки в пределах кластеров.

Как видим, в гендерном измерении, общие тенденции в целом сохраняются, однако мужчины реагируют на вопросы анкеты по-прежнему более сдержанно. Единственным исключением является пункт – наличие «связей», знакомств. Это единственная позиция, где доля среди мужчин оказалось более высокой, чем среди женщин.

В случае с возрастными подгруппами общие тенденции также сохраняются. При этом, молодежь постарше оказывается более чувствительна к общекультурным дифференциациям и имущественному расслоению, а помладше – к этнокультурным. Однако, разница находится в целом в пределах погрешностей.

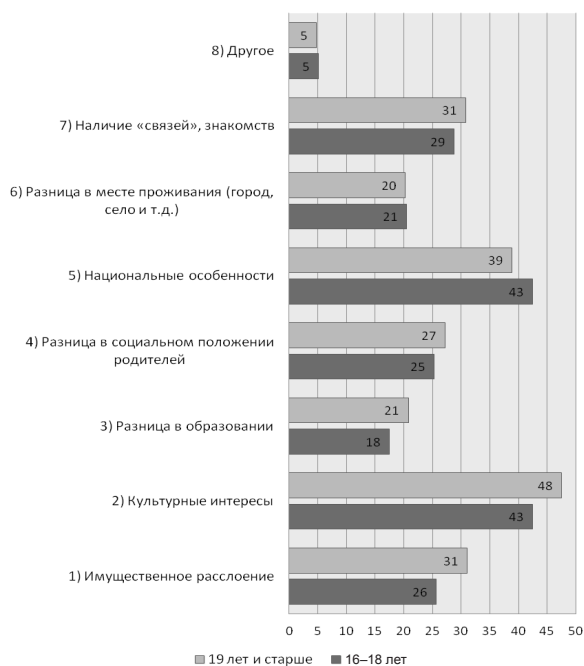

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, что сейчас больше всего разъединяет молодежь вашего региона?» (по гендерным группам, в % к числу опрошенных)

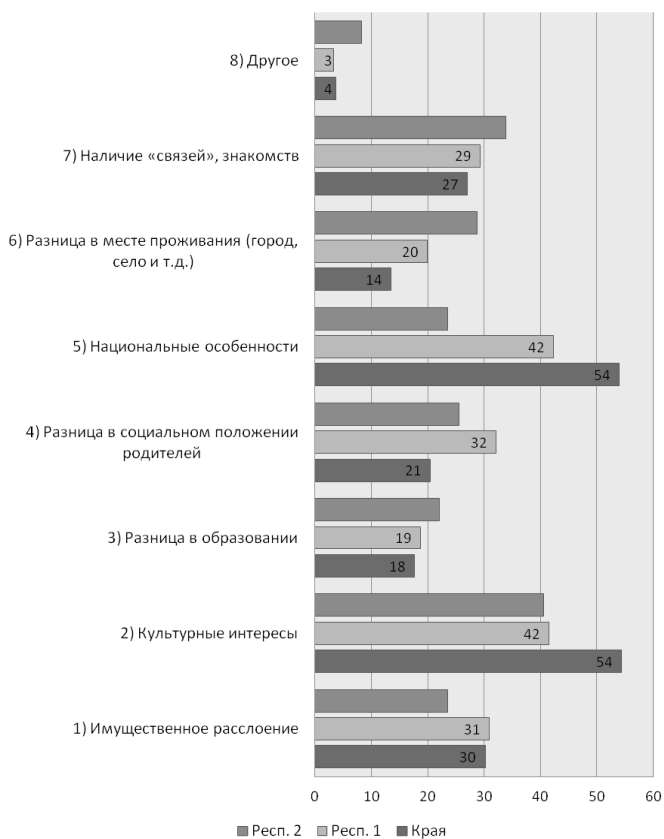
Распределения по типам регионов вновь оказываются достаточно дифференцированными. Очевидным является большее внимание русскоязычной молодежи к культурным и межнациональным отличиям. При этом более высокое значение у общекультурных различий связано с тем, что в пространстве современной русской культуры молодежь находит значительно разнообразие норм и идентичностей, ориентируется на подчас взаимоисключающие образцы. То есть русская молодежь демонстрирует все черты относительно модернизированной в культурном отношении подгруппы. Данную особенность следует выделить не только как эмпирическую особенность, но и как фактор межнациональных отношений. Его значение можно связать с тем, что русскоязычная молодежь сегодня наиболее дифференцирована в культурном отношении, и ей не следует приписывать каких-либо жестких культурных клише или стереотипов. То есть проблемы стереотипизации по отношению к русским еще более актуальны, чем по отношению к кавказцам именно из-за культурного

разнообразия русскоязычной молодежи. Безусловно, эту особенность можно интерпретировать и как размытость в условиях социальных трансформаций общего культурного и идентификационного ядра, традиционного связанного с сильным государством.

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, что сейчас больше всего разъединяет молодежь вашего региона?» (по возрастным группам, в % к числу опрошенных)

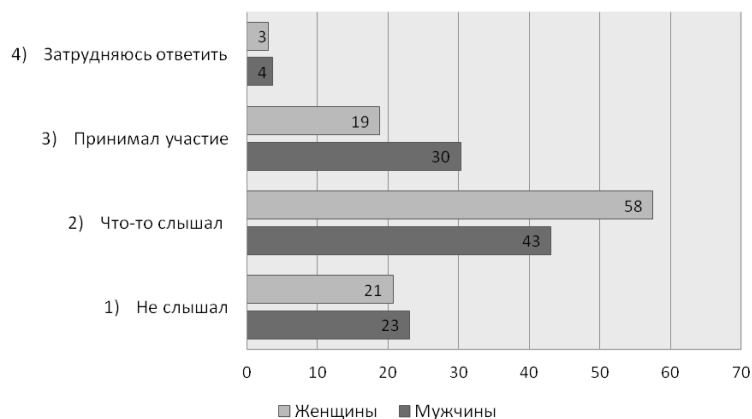
Регионы первого типа, как и в предыдущем случае демонстрируют в целом усредненные позиции, и не столь интересны как регионы второго типа. Вот здесь действительно имеются заметные отличия в оценках. Особенно по отношению к русскоязычной молодежи. Обратим внимание, что для молодежи из регионов второй группы (Дагестан, Чечня) национальные отличия оказываются гораздо менее значимыми, нежели для русских. Доля отметивших эту позицию примерно в 2 раза меньше, чем по русскоязычной аудитории – 24 % против 54 %. В целом, это обстоятельство можно охарактеризовать как предсказуемое проявление сильной этнической идентичности, проявление культурной сцепленности в рамках традиционного социума. Далее, в этой группе более выраженными являются различия между «городом» и «селом», или иначе модернизированной частью молодежи, живущей в условиях относительной патриархальности. Наконец, именно в этой группе оказывается наибольшим значение личных и родственных связей для восходящего продвижения молодого человека по лифтам социальной мобильности.

Рис. 6. Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, что сейчас больше всего разъединяет молодежь вашего региона?» (по типам регионов, в % к числу опрошенных)

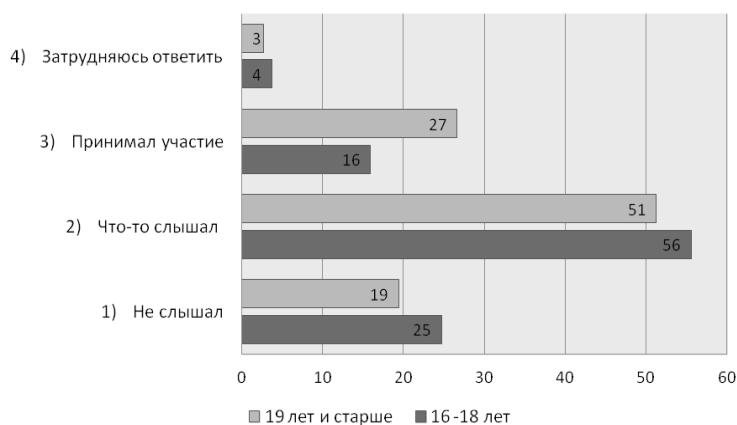
Из сказанного становится очевидным, что этнокультурная и воспитательная политика в молодежной среде различных регионов должна быть не только дифференцированной (что и так, по всей видимости, имеет место), но и учитывать императивы подготовки молодежи к пониманию особенностей «другого». Это необходимо для построения грамотной межнациональной политики и будет способствовать эффективности профилактики экстремистских проявлений и агрессивного поведения [4].

Необходимо, рассмотреть вопросы, связанные с оценкой эффективности мероприятий по стимулированию межкультурного диалога в молодежной среде. Следует отметить, что полученные данные можно интерпретировать двояко. Этому способствует осознание того факта, что в опросе участвовали представители наиболее активной молодежи. То есть полученные данные характеризуют вовлеченность в молодежную культурную политику именно этого типа молодежи. В целом, по полноразмерной репрезентативной выборке, вовлеченность молодежи в подобные мероприятия будет, несколько ниже.

Рис. 7. Распределение ответов на вопрос «Слышали ли Вы что-либо о мероприятиях, посвященных межкультурному диалогу, межнациональным отношениям (межнациональные фестивали, спартакиады и т. п.)?» (по гендерным группам, в % к числу опрошенных)

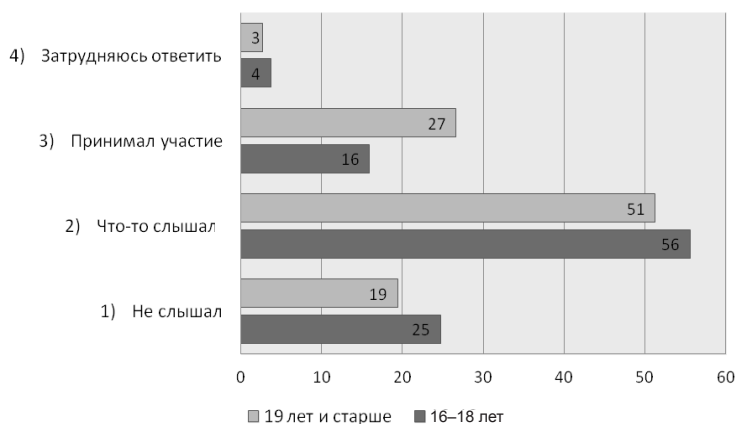
И, тем не менее, можно констатировать, что 22 % опрошенных принимали участие в мероприятиях, посвященных межкультурному диалогу, большая же часть только слышала о таких – 53 %, 22 % ничего не слышали о подобного рода акциях. Как интерпретировать полученные данные? Много это или мало – 22 %? На наш взгляд, полученные данные говорят о том, что политика в данной области носит в целом системный характер, и значительная часть молодежи непосредственно вовлекается в стимулирующие мероприятия. Это способствует относительно высокой информированности молодежи об усилиях государства в данной сфере.

Рис. 8. Распределение ответов на вопрос «Слышали ли Вы что-либо о мероприятиях, посвященных межкультурному диалогу, межнациональным отношениям (межнациональные фестивали, спартакиады и т. п.)?» (по возрастным группам, в % к числу опрошенных)

Но, с другой стороны, полученные данные говорят и о том, что большая часть молодежи непосредственно не вовлечена в институциональный межкультурный диалог, т. е. имеется не только возможность, но и необходимость наращивания усилий в этом направлении.

Распределения с учетом гендерной структуры показывают, что мужчины являются более частыми гостями молодежных форумов, дискуссий и фестивалей, связанных с межкультурным диалогом. Если судить с учетом возрастного фактора, то оказывается, что молодежь постарше активнее участвует в фестивалях и форумах, связанных с межкультурным диалогом. В этой аудитории доля участвовавших достигает 27 %, в то время как среди 16–18 летних мы имеем показатель в 16 %.

Рис. 9. Распределение ответов на вопрос «Слышали ли Вы что-либо о мероприятиях, посвященных межкультурному диалогу, межнациональным отношениям (межнациональные фестивали, спартакиады и т. п.)?» (по типам регионов, в % к числу опрошенных)

В случае с регионами различного типа мы имеем «провал» непосредственного участия в республиках первого типа. Здесь доля принимавших участие в 2 раза ниже, чем аналогичный показатель в Чечне, Дагестане или русскоязычных регионах (14 % против 26 % и 27 %, соответственно). В последних же двух группах мы наблюдаем примерно одинаковый уровень вовлеченности молодежи в соответствующую политику.

Рассуждая о различных форматах культурной интеграционной политики, которые были бы привлекательны сегодня для молодежи Юга России, респонденты отмечали как утвердившиеся формы (фестивали, форумы), так и обращали внимание на необходимость большей поддержки и продвижения отечественного кинематографа, пропагандирующего толерантность и терпение, а также уважение к чужим традициям.

Среди представителей Северо-Кавказских республик большую популярность и уважение заслужили ставшие уже известными площадки культурного

обмена и коммуникации – форумы «Машук» и «Каспий». Отзывы о них были практически исключительно положительными и воодушевленными:

- *Это форум «Машук». Мне кажется, что этот форум очень продуманный, поскольку туда приезжают молодые люди не только защищать свои проекты, но и проводятся дни каждой республики, где каждая делегация показывает свою культуру, кухню. Это очень интересное взаимодействие. Я многое узнала об иных национальностях. В молодежной среде таких форумов очень много.*

- *Должны проводиться форумы. Представлять правильно свою культуру. Форум «Каспий»: все были довольны, очень много молодежи разных национальностей, там даже дарили подарки за знание другой культуры, очень сплочивает.*

Вообще ответы молодых людей свидетельствуют о том, что не только уже используемые форматы пользуются достаточно большой популярностью и поддержкой, но и в целом о том, что неразрешимых противоречий и непреодолимых препятствий в сфере молодежной политики нет. У современной молодежи есть потребность и желание познавать другие культуры, формировать общее понимание своей идентичности и будущего страны при сохранении культурного разнообразия. Показательным в этом отношении является одно из высказываний респондентов:

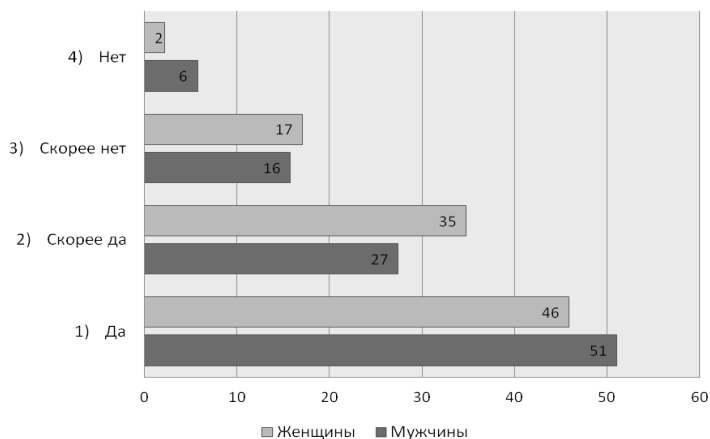
- *Приведу пример с форумов на которых бывал. Все знают, что между ингушами и осетинами конфликт, но вот ребята расставались на форуме со слезами на глазах. Сдружились. Есть даже примеры дружбы азербайджанцев с армянами.*

Патриотическое и нравственное воспитание в молодежной среде Юга России

Вопрос патриотического воспитания в современной России в последнее время получил определенную актуализацию, тем не менее для большей части общественности он по-прежнему остается дискуссионным: должно ли вообще государство прилагать какие-то особые усилия на этом направлении, и если должно, то в чем они могут заключаться.

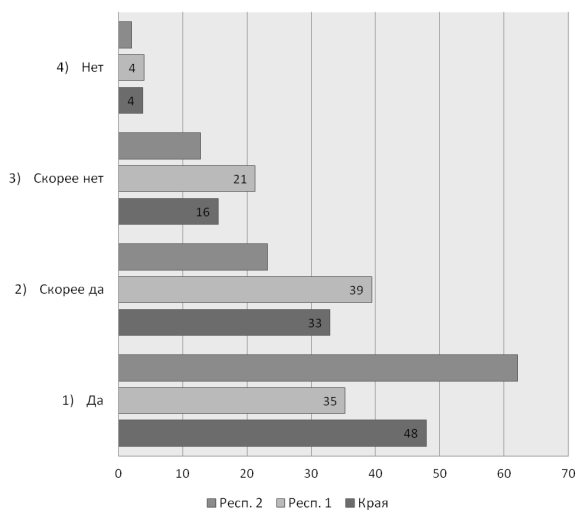
Абсолютное большинство респондентов уверено, что сегодня в России модно быть патриотом – 47 % в этом уверены абсолютно, и еще 33 % склоняются к этой точке зрения. Таким образом, в совокупности до 80 % молодежи лояльно и положительно относятся к идее патриотизма (рис. 10).

Если обратиться к гендерной структуре ответов, то можно увидеть, что мужчины настроены чуть более решительно в этом отношении. Среди них больше 50 % считает, что быть патриотом сегодня модно. Похожая ситуация складывается и применительно к распределениям, выделенным по возрастным кластерам, только здесь более решительно настроены уже молодежь помладше.

Рис. 10. Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, модно ли сейчас быть патриотом (любить свою Родину, трудиться на ее благо)?» (по гендерным группам, в % к числу опрошенных)

Но, как и в предыдущих случаях, более значимыми и показательными для нас являются распределения, выделенные по регионам различного типа. Наименее сдержанные оценки продемонстрировали жители регионов второго типа. Здесь всего лишь 35 % опрошенных абсолютно уверены в том, что сегодня быть патриотом модно. В тоже время, в русскоязычных регионах этот показатель достигает 48 %, но наиболее выдающимся он является в Чеченской Республике и Дагестане – 62 %. При этом необходимо отметить, что в целом популярность патриотической идеи по всем типам регионов является достаточно высокой (рис. 11).

Рис. 11. Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, модно ли сейчас быть патриотом (любить свою Родину, трудиться на ее благо)?» (по типам регионов, в % к числу опрошенных)

Как показали фокус-группы, общероссийский патриотизм действительно сегодня может быть интегрирующим фактором молодежной политики. При этом, несмотря на популярность самой идеи патриотизма, молодежь считает, что данное направление недостаточно представлено в молодежной политике. Образцом патриотизма для северокавказской молодежи является советская идеологическая система, патриотизм Великой Отечественной войны. Смысловой доминантой такого рода патриотизма выступает жертвенность, способность отказаться от собственных интересов и даже жизни ради других, ради будущих поколений:

- *Не хватает действий, доказательств, что за страну стоит ложиться на амбразуру. Поднимать образование, уровень жизни людей, делать все для людей.*

Характеризуя современный период, молодежь указывает на то, что не хватает общих, объединяющих идей, мешает имущественное расслоение. При этом неотъемлемым качеством патриота считается знание истории страны и собственных традиций, четкая самоидентификация. В этом смысле западный мир с его либеральными ценностями значительной частью молодежи воспринимается как угроза, которая ведет к «отрыванию от корней».

Важным аспектом патриотического сознания современной молодежи является дихотомия «страна – государство». Страна, народ является объектом любви, идеализируется, а государство, наоборот, критикуется, и даже уничтожается:

- *Можно сказать словами из песни «Я так люблю свою страну, но ненавижу государство».*

- *Все свою страну любят, все будут с гордостью говорить «моя родина это Россия!», но что касается государства это совсем другая песня.*

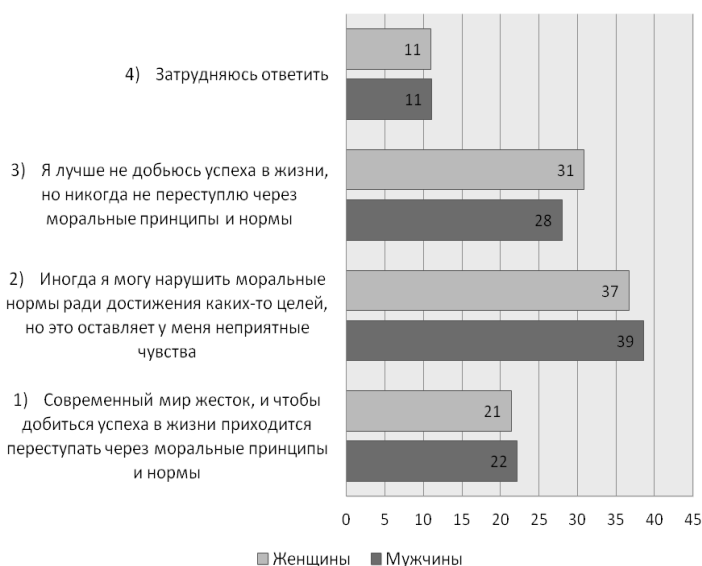
- *Разочарованность государством.*

С другой стороны понятие государства является системообразующим для представителей Чеченской Республики и Дагестана, именно по отношению к государству конструируются такие атрибуты патриотического сознания как величие, гордость и т. п. У представителей северокавказских народов национальный и региональный патриотизм соединяется с общероссийским патриотизмом. Россия при этом воспринимается как великая страна, обладающая влиянием на международной арене, раскинувшаяся на обширной территории, помогающая республикам.

В дополнение к идее патриотизма рассмотрим вопрос, касающийся не столько патриотического, сколько морально-нравственного воспитания современной молодежи. Участникам опроса был задан вопрос о том, насколько они готовы соблюдать морально-нравственные принципы. Следует отметить, что аудитория разделилась здесь на несколько частей, из которых ни одна не может образовать большинство. Так, 30 % опрошенных заявили, что они не готовы переступить через моральные принципы ни при каких условиях, даже если бы это им могло помочь добиться успеха в жизни. Около 37 % отметили,

что иногда могут нарушить моральные нормы для достижения каких-то целей, но это в целом заставляет их мучиться, вызывает к совести. В то же время 22 % опрошенных отметили, что для достижения успеха в наше время можно нарушать моральные принципы.

На рис. 12 представлены распределения ответов по гендерным группам. Как мы можем видеть, заметного влияния этот фактор на оценки молодых людей не оказывает, в целом наблюдаются те же тенденции, что и по массиву в целом. Более рельефной выглядит структура ответов с учетом возрастного фактора. Доля прагматиков здесь сохраняется на среднем уровне, а вот в числе тех, кого можно назвать идеалистами заметны колебания. Группа более возрастной молодежи настроена более жестко в отношении соблюдения моральных правил и принципов, в то время как группа 16–18-летних подходит к этому вопросу чуть более гибко.

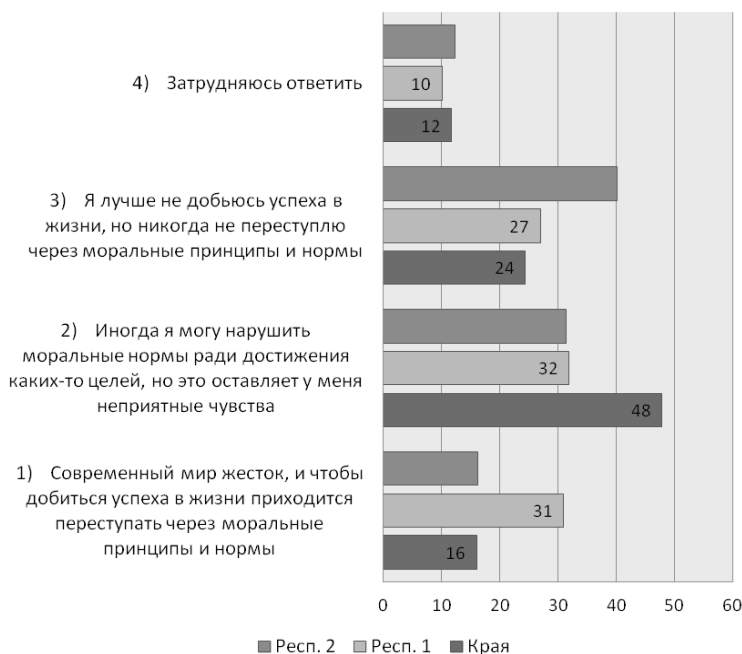

Рис. 12. Распределение ответов на вопрос «Каково Ваше отношение к соблюдению моральных принципов?» (по гендерным группам, в % к числу опрошенных)

На этом фоне достаточно противоречиво выглядит структура ответов по типам регионов. В целом, наиболее принципиально настроенной оказывается молодежь Чеченской Республики и Дагестана. Доля прагматиков здесь такая же, как и среди русскоязычной молодежи, однако доля условных идеалистов оказывается очень высока – 40 %. Это практически в два раза больше, чем по остальным группам.

Среди русскоязычной молодежи доминирующей группой являются условные реалисты, которые считают, что иногда можно отступить от моральных принципов, но лучше этого, конечно, не делать. Практически половина

(48 %) молодежи и краев и областей придерживается этой точки зрения. Как ни странно, но весьма высокой на фоне остальных регионов, оказалась доля прагматиков в регионах второго типа – Кабарде, Осетии и т. п. Здесь этот показатель составляет 31 %. Сама же аудитория этих республик выглядит как расколота – она разделена на три примерно равные группы, характеризующиеся противоположными взглядами на соблюдение моральных принципов.

Рис. 13. Распределение ответов на вопрос «Каково Ваше отношение к соблюдению моральных принципов?» (по типам регионов, в % к числу опрошенных)

Однако в современных условиях необходимо обращать внимание не только на принципиальность молодежи, но и на то, какие идеи она считает достойными соблюдения и исповедания. Так, в настоящее время молодежный экстремизм в России выступает как следствие деформаций процесса формирования и развития личности молодого человека. Динамика молодежного экстремизма, по нашему мнению, коррелируется с процессами социальной маргинализации, нравственным релятивизмом, сегментацией политической культуры, неопределенностью векторных тенденций развития общества. В условиях социальной трансформации, когда значительные слои общества оказались изолированы от положительных сценариев социальной адаптации идет накопление агрессивности, расширение фрустрационных состояний, которые находят свое выражение в формах регенерации этнорелигиозных форм насилия как компенсационного фактора.

Литература

1. Указ Президента Российской Федерации «О стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» от 19 декабря 2012 г. № 1666 // Информационно-правовой портал «Гарант». [Электронный ресурс] <http://base.garant.ru/70284810/> (Дата обращения 11.05.2014).
2. Постановление Правительства Российской Федерации «О федеральной целевой программе «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)» от 20 августа 2013 г. № 718 // Официальный портал Правительства России. [Электронный ресурс:] <http://government.ru/docs/4022> (Дата обращения 11.05.2014).
3. Социологический портрет молодежи Ростовской области / под ред. проф. Ю. Г. Волкова. – Ростов н/Д, 2012.
4. Сериков А. В. Молодежный экстремизм на юге России: причины обострения и меры предупреждения // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. – 2011. – № 3.

References

1. Ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii «O Strategii gosudarstvennoi natsional'noi politiki Rossiiskoi Federatsii na period do 2025 goda» ot 19 dekabria 2012 g. № 1666 // Informatsionno-pravovoi portal «Garant». [Elektronnyi resurs:] <http://base.garant.ru/70284810/> (Data obrashcheniia 11.05.2014).
2. Postanovlenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii «O federal'noi tselevoi programme «Ukreplenie edinstva rossiiskoi natsii i etnokul'turnoe razvitie narodov Rossii (2014-2020 gody)» ot 20 avgusta 2013 g. № 718 // Ofitsial'nyi portal Pravitel'stva Rossii. [Elektronnyi resurs:] <http://government.ru/docs/4022> (Data obrashcheniia 11.05.2014).
3. Sotsiologicheskii portret molodezhi Rostovskoi oblasti / Pod red. prof. Iu. G. Volkova. Rostov n/D, 2012.
4. Serikov A. V. Molodezhnyi ekstremizm na iuge Rossii: prichiny obostreniia i mery preduprezhdeniia // Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski SKAGS. – 2011. – № 3.